

ПОД СЕНЬЮ КОРОНЫ

КАК МОНАРХИ МЕНЯЛИ
ХОД ИСТОРИИ

Камелия Блэк^{ии}

Камелия Блэк

Под сенью короны: Как монархи меняли ход истории

<https://litres.ru/74613984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему одни монархии переживали войны, мятежи и смену династий, а другие рушились, едва теряли поддержку? Корона сама по себе не давала права повелевать: за ней должны были стоять признание, ресурсы, союзники и работающие правила.

«Под сенью короны» — история монархии как системы власти: от первых способов распоряжаться людьми и запасами до современных корон. Вы узнаете, как традиции и религия создавали легитимность, почему придворная близость влияла на решения и как налоги, чиновники и армия превращали волю государя в управление. Династические браки, женщины у престола, завоевания, реформы, парламенты и революции помогут увидеть, где проходили границы власти — и почему одни короны удерживались, а другие падали.

Книга адресована всем, кто хочет понимать историю не как череду имён и дат, а как борьбу интересов, институтов и общественного признания.

Содержание

До короны: как возникла монархическая власть	5
Право повелевать: происхождение легитимности и священный образ государя	16
Королевства и империи мира: разные модели монархии	25
Двор как центр власти: советники, фавориты и придворные правила	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Камелия Блэк
Под сенью короны:
Как монархи
меняли ход истории

Под сенью короны: Как монархи меняли ход истории

Камелия Блэк

До короны: как возникла монархическая власть

Ночь еще не рассеялась, а в амбарах уже спорят. Зерно, отложенное до нового урожая, убывает быстрее, чем рассчитывали. Вода в канале поднялась не там, где ее ждали. За рекой появились чужие разведчики: никто не знает, придут ли они за скотом или за всем селением. Старейшины предлагают подождать. Земледельцы требуют открыть запас. Воин настаивает, что медлить опасно. Каждый довод разумен — и каждый тянет общину в свою сторону.

Представим этот совет. Это не описание конкретного исторического события: у сцены нет известных участников и точной даты. Это реконструкция, собранная из проблем, знакомых многим ранним земледельческим обществам. Ее вопрос прост: кто вправе принять решение, когда времени на согласие больше нет?

В небольшой группе ответ мог находиться в обычаях, родственных связях и личном авторитете. Один человек знал, как устроен канал. Другой умел вести переговоры. Третий уже не раз защищал поселение. Но когда людей становилось больше, запасы росли, а опасности начинали зависеть друг от друга, личного доверия оказывалось недостаточно. Нужен был не только тот, кто убедит соседей сегодня, но и порядок,

который сработает завтра — даже если самого убедителя не станет.

Так начиналась не обязательно монархия. Но здесь появлялись некоторые из ее будущих опор: власть над решениями, ресурсами и людьми, а затем — над тем, кому эта власть достанется.

Когда согласия уже недостаточно

Земледелие меняло не только меню. Оно меняло время. Между посевом и урожаем лежали месяцы ожидания; ошибку нельзя было исправить одним удачным днем охоты. Запасы позволяли пережить неурожай, но превращали кладовую в источник споров и желанную добычу. Большое поселение нуждалось в распределении работ, защите, хранении продовольствия и разрешении конфликтов между людьми, которые уже не знали друг друга лично.

К этому добавлялись общие проекты. Каналы требовали согласовывать работы на участках, где вода не останавливалась у границы одного двора. Стены, склады и дороги требовали труда многих людей. Война могла потребовать быстро собрать бойцов и обеспечить их едой. Чем крупнее становилась община, тем больше зависела от решений, которые затрагивали всех.

Это не означает, что земледелие автоматически породило государство, а государство — царя. Старое объяснение, будто одна лишь необходимость строить ирригационные системы неизбежно создавала централизованную власть, слиш-

ком прямолинейно. Вода действительно могла требовать координации, но управление каналами не везде принадлежало единому правителю. Историки спорят о том, что именно сыграло решающую роль в разных регионах: война, торговля, религиозные центры, контроль над запасами, рост населения или их сочетание.

Важнее увидеть саму перемену масштаба. Пока решение касалось нескольких семей, его могли принять на общем совете. Когда на кону оказывались общий запас зерна, оборона поселения и труд сотен людей, возникал соблазн передать право решать тому, кто уже доказал свою полезность. Сначала — на время. Потом — до следующего кризиса. А затем, возможно, без заранее установленного конца.

От помощи к постоянной власти

Вождь — не обязательно ранний царь. Это различие легко потерять, если воображать историю как лестницу, по которой все общества поднялись в одном порядке.

Вождем в широком смысле называют человека, чье влияние держится на личных качествах, родстве, щедрости, военной удаче или способности посредничать. Его власть может быть ограниченной и зависеть от согласия группы. Вождь способен повести людей в поход, но не обязательно вправе единолично распоряжаться всеми запасами или передавать свой статус сыну.

Раннее царство — уже иной масштаб: правящая семья или династия притязает на длительную власть над определенной

территорией и населением. Появляются центры управления, сбор ресурсов, постоянные обязанности подданных, военная сила и представление о том, кому должно принадлежать верховное положение. Впрочем, эти признаки складывались не одновременно. «Раннее царство» — современный аналитический термин, а не универсальная ступень, одинаково называвшаяся у всех народов.

Зрелая монархия — тоже не синоним абсолютной власти. Ее отличает прежде всего устойчивость верховной должности: государь правит не только как самый сильный человек своего поколения, но и как носитель института, который должен пережить его. Существуют правила или привычные ожидания наследования, придворные и чиновники, особые знаки статуса, традиции управления. Корона может еще не существовать как предмет — важнее, что власть перестала быть исключительно личным достижением.

Как совершается этот переход? Успешный военный предводитель получает благодарность и право командовать снова. Организатор распределения запасов становится человеком, без которого опасно открывать кладовую. Посредник, способный остановить кровную месть, превращается в судью споров. А тот, кто собирает вокруг себя дружину или помощников, получает не только сторонников, но и постоянную опору силы.

Здесь начинает работать обратная связь. Чем больше ресурсов доверено руководителю, тем легче ему организовать

работы и оборону. Чем успешнее результат, тем охотнее община признает его право действовать. Но контроль над запасом и людьми приносит и личное преимущество: можно награждать верных, назначать родственников, направлять повинности на одни нужды, а не на другие. То, что возникло как ответ на общую опасность, постепенно способно стать привилегией правящего дома.

Три пути к царской власти

В Южной Месопотамии, на территории современного Ирака, рост городов в конце IV тысячелетия до н. э. создал новые задачи управления. Ур, Урук и другие центры нуждались в учете зерна, скота, труда и обмена. Ранние таблички, найденные в Уруке, содержат хозяйственные записи: они свидетельствуют о развитии учета, но не рассказывают простую историю о царе, который однажды «изобрел» государство. В городе действовали крупные хозяйственные и культовые центры; власть складывалась в окружении храмов, землевладения, торговли, организованного труда и соперничества между городами.

Позднее в шумерских городах известны правители с разными титулами и полномочиями. Но и здесь образ единого властителя не возник мгновенно. Город мог быть сильным, его правитель — влиятельным, а власть на местах — распределенной между разными учреждениями и группами. Месопотамский пример показывает, как управление ресурсами и учет становились основой политической силы, но не дока-

зывает, что всякая сложная экономика непременно должна была подчиниться одному царю.

В Египте объединение Верхнего и Нижнего царств традиционно связывают с концом IV — началом III тысячелетия до н. э. Палитра Нармера изображает правителя, торжествующего над врагами; это важное свидетельство царской символики, но не буквальный отчет о единственной битве, после которой страна сразу обрела единое управление. Само формирование государства было процессом, в котором участвовали предшествующие центры силы, региональные элиты и длительное соперничество. Царская власть связала управление страной с особым сакральным образом правителя: он был не просто начальником войска, но гарантом правильного порядка между людьми, землей и богами.

В древнем Китае династия Шан, существовавшая во II тысячелетии до н. э., опиралась на царскую родословную, ритуал, войну и контроль над производством бронзы. Надписи на гадательных костях, особенно хорошо известные по позднему периоду Шан, показывают царя, который обращается к предкам за ответами на вопросы о походах, урожае, жертвоприношениях и здоровье. Политическое решение здесь было тесно связано с религиозным ритуалом и родовой памятью. Передача власти внутри царского дома создавала преемственность, но порядок наследования не сводился к безусловному правилу «от отца к старшему сыну»: борьба за власть могла оставаться острой.

Эти примеры похожи в одном: устойчивое правление опиралось не только на личную силу. Оно связывало людей с территорией, организовывало ресурсы и предлагало объяснение, почему именно этот правитель занимает особое место. Но сами сочетания были разными. В Месопотамии особенно заметна роль городских хозяйственных центров и учета, в Египте — объединение территории и сакрального образа царя, в Шан — родовой власти, предков и ритуального обращения к ним. Это не три версии одной и той же инструкции. Скорее, три ответа на разные исторические обстоятельства.

Одна община — три решения

Вернемся к воображаемому поселению в начале главы. Перед ним три практические задачи: запасы, защита и наследование руководства. Попробуем мысленно распределить право решения.

Решение

Совет общины

Временный руководитель

Наследственный правитель

Что делать с запасами

Решение учитывает интересы разных семей, но может приниматься медленно; богатые или влиятельные роды способны склонить совет в свою пользу

Можно быстро выдать зерно тем, кто в нем нуждается, но велик риск произвола или фаворитизма

Запасы легче распределять по постоянным правилам, если они существуют; однако правитель может присвоить их или использовать противников

Кто организует защиту

Обязанности можно разделить, но согласование в момент опасности отнимает время

Командование сосредоточено и понятно; после кризиса лидер может отказаться сложить полномочия

Войско получает постоянного верховного командующего; цена — необходимость содержать его окружение и вооруженную силу

Кто возглавит общину после ухода руководителя

Нового лидера выбирают заново, что позволяет учесть обстоятельства, но может вызвать борьбу

Срок полномочий помогает ограничить власть, однако каждый новый кризис способен обострять соперничество

Преемник известен заранее, что уменьшает неопределенность, но наследование может привести к слабому или неприемлемому правителю

Таблица не доказывает, что один порядок лучше других. Она показывает, что всякая политическая система — обмен

одних рисков на другие. Коллективное обсуждение защищает от единоличного решения, но не всегда помогает действовать быстро. Временный лидер удобен в кризисе, но после победы нужно решить, кто и как ограничит его власть. Наследование обещает предсказуемость, но превращает личную заслугу в семейное преимущество.

Именно здесь происходит важный скачок. Передать человеку право командовать — не то же самое, что передать это право его сыну или дочери. Чтобы власть стала наследственной, обществу нужно принять — или быть вынужденным принять — правило преемства. Оно может опираться на род, военную поддержку, ритуал, договоры с элитами или их сочетание. Наследник получает не способности предшественника, а должность и притязание на нее. Между ними еще предстоит доказать, что власть признают.

Для читателя это можно превратить в небольшое упражнение. Выберите знакомую вам группу — рабочую команду, общественный совет, волонтерский проект. Не приравнивайте ее к древнему царству; используйте только как модель для наблюдения.

1. Определите, кто контролирует общий ресурс: бюджет, расписание, информацию или доступ к важному решению.
2. Выясните, кто получает право действовать в чрезвычайной ситуации и кто проверяет его решения после нее.
3. Спросите, как выбирают преемника: по компетентности, голосованию, должности, знакомству или родству.

4. Запишите, что система выигрывает и чем рискует при каждом варианте.

Так легче заметить, что власть часто появляется не с громким провозглашением, а с практической привычки: именно этот человек открывает хранилище, именно его зовут судить спор, именно его слушают перед походом. Когда привычка закрепляется, она уже влияет на то, что окружающие считают нормальным.

Безопасность и цена порядка

Централизация могла дать защиту, накопить средства для строительства, согласовать работу на большой территории и сохранить решения в памяти учреждений. Письмо, учет и постоянные должности позволяли управлять там, где правитель физически не мог присутствовать. Подданные могли видеть в царе защитника от нападений, посредника в спорах, гаранта распределения воды и пищи.

Но порядок не был бесплатным. У государства появлялись способы требовать зерно, скот, службу и труд. Обязанности, из которых строились стены или каналы, могли быть тяжелыми и принудительными. Война расширяла территорию, но приносила пленников и новые повинности. Двор, войско и чиновники нуждались в содержании. А люди, чей труд поддерживал власть, не обязательно одинаково участвовали в принятии решений.

Поэтому не стоит описывать возникновение монархии ни как сказку о мудром вожде, спасшем всех от хаоса, ни как ис-

торию о простой жажде господства. В одном и том же порядке могли соседствовать общественная польза и личная выгода правителя, защита и насилие, предсказуемость и неравенство. Бывает, что власть укрепляется благодаря признанию подданных. Бывает, что признание следует за победой. Чаше эти силы переплетаются.

Монархия не возникла в одну минуту и не имеет единственной причины. Она складывалась там и тогда, где верховная власть над людьми и ресурсами становилась устойчивой, а право передать ее преемнику — привычным или признанным порядком. Сила могла открыть дорогу к трону, но сама по себе еще не объясняет, почему на нем удерживались. Чтобы понять это, предстоит спросить не только, кто командовал, но и почему подчинение казалось допустимым, необходимым — или священным.

Право повелевать: происхождение легитимности и священный образ государя

В Вестминстерском аббатстве 2 июня 1953 года корона еще не коснулась головы Елизаветы II, а она уже была королевой: её отец, Георг VI, умер более года назад, и право наследования перешло к дочери. Но в тот день миллионы людей у экранов и радиоприёмников увидели, как личная власть получает публичный облик. Архиепископ Кентерберийский представил королеву собравшимся и спросил, признают ли они её законной государыней. Прозвучал ответ: «Боже, храни королеву Елизавету». Затем последовали клятва, помазание, вручение регалий и возложение короны Святого Эдуарда.

Особенно важный момент обряда проходил за ширмой: помазание священным елеем не показывали телекамерам. Мир увидел корону и скипетры, но не самую таинственную часть церемонии. Это разделение было выразительным: одна сторона ритуала обращалась к публике, другая обозначала связь монарха со священным порядком.

И всё же корона не могла сама приказать армии повиноваться, собрать налоги или заставить чиновника исполнить распоряжение. Что же тогда происходило в аббатстве? Не

рождалась власть из золота и бархата. Человека, уже получившего корону по правилам престолонаследия, представляли как носителя должности и символ страны. Обряд не создавал право на власть из ничего — он делал это право видимым и предлагал обществу его признать.

Три уровня коронации

Чтобы понять, как работает монархическая легитимность, полезно рассматривать церемонию одновременно с трёх сторон.

Уровень

Что происходит

Что получает власть

То, что видит публика

Представление монарха, аккламация, корона и регалии
Узнаваемый образ законной власти

То, что закрепляют институты

Клятва, церковный обряд, установленный порядок действий

Связь монарха с законами, учреждениями и традицией

То, на что претендует государь

Право править, сохранять порядок и исполнять обязанности

Обоснование повиновения

Коронационные действия не были одинаковыми во все времена и во всех странах. В британской церемонии 1953 года Елизавета II приносила клятву, связанную с управлением народами её королевств согласно их законам и обычаям, а также с осуществлением правосудия. Помазание обозначало сакральную сторону должности. Регалии показывали, что власть — не только личная собственность монарха, но и служение, облечённое в знаки. А признание собравшихся превращало процедуру в публичное событие.

Но одно не следует путать с другим. Вера в сакральность государя — не то же самое, что учение о божественном праве королей. В некоторых обществах монарха понимали как участника священного порядка или посредника между людьми и божествами; в Древнем Египте представления о божественной природе фараона занимали важное место в царской идеологии. Однако это не означает, что во все эпохи и повсюду верили в одно и то же. Сакральный статус мог относиться к царской должности, особым обязанностям правителя или ритуалам, а не просто объявлять человека богом.

Доктрина божественного права была конкретным политическим аргументом: власть монарха исходит от Бога, а не предоставляется ему подданными или земными учреждениями. Это не обязательно означало, что королю позволено всё. Сторонники учения могли считать его обязанным отве-

чать перед Богом и соблюдать божественный закон. Но такая доктрина ограничивала притязания земных соперников на право судить государя. В раннее Новое время её защищали, в частности, представители английской династии Стюартов.

А практическое признание власти — ещё один, отдельный вопрос. Даже если монарх объявляет себя избранником Бога и наследником древнего рода, ему нужны люди и учреждения, которые действуют так, словно его распоряжения имеют силу. Чиновники составляют указы и собирают подати, военачальники исполняют приказы, судьи именуют монарха источником правосудия, а элиты поддерживают порядок наследования. Без такого участия даже самый убедительный священный образ рискует остаться образом.

От происхождения до победы

Династическое право обещает преемственность. Если существует понятный порядок наследования, после смерти государя стране не приходится каждый раз решать заново, кто вправе править. Но родословная — не природный закон. Правила наследования складываются исторически, могут меняться и нередко становятся предметом спора. Древний род помогает претенденту, но не всегда обеспечивает ему престол.

Другой источник легитимности — религиозное представление о праве правителя. В китайской политической традиции идея Небесного мандата связывала власть с обязанностью поддерживать порядок и справедливо править. Мандат

не был гарантией вечного господства одной династии. Поражения, бедствия и мятежи могли осмысливаться как признаки того, что династия утратила благосклонность Неба. Это не значит, что любое наводнение автоматически считали приговором императору: значение событий объясняли и оспаривали люди. Но сама идея позволяла не только обосновать власть, но и объяснить её утрату.

Военная победа тоже способна породить претензию на власть. Победитель может обещать безопасность, восстановить порядок и предстать человеком, которому удача и сила обеспечили право повелевать. В Римской империи провозглашение армией играло важную роль в возвышении императоров. Однако одного крика легионов было недостаточно для спокойного и долгого правления: требовались признание других политических сил, управление территориями и поддержка государственных институтов. Там, где победа превращалась в единственное основание власти, смерть или поражение победителя могли запустить новую борьбу.

Наконец, право может закрепить то, что прежде держалось на обычае, происхождении или силе. Закон о престолонаследии определяет круг претендентов, клятва обозначает обязанности, а учреждение или парламент способен участвовать в признании нового монарха. Но закон не устраняет политику. Его толкуют, оспаривают и иногда переписывают именно тогда, когда спор о власти становится особенно острым.

Для историка здесь полезен простой вопрос: не только «кто был наследником?», но и «кто согласился считать его наследником?». Макс Вебер, исследовавший формы господства, различал, среди прочего, традиционную, харизматическую и легально-рациональную власть. Для монархий это не готовые ящики, в которые можно без остатка разложить историю. Скорее, полезная оптика: король мог опираться одновременно на древний обычай, личный авторитет, военный успех и установленное право. Вес каждого основания менялся со временем.

Когда притязание проверяют

Особенно ясно значение признания видно в 1688–1689 годах в Англии. Яков II получил трон по наследству и обладал привычными для своего времени основаниями власти: был королём по установленному порядку и проходил коронационный обряд. Но его католическая вера вызывала тревогу у влиятельных протестантских кругов. Положение обострилось, когда в 1688 году у Якова родился сын — наследник, который мог обеспечить продолжение католической линии. Противники короля опасались, что смена государя не приведёт к смене курса.

Группа английских политиков пригласила Вильгельма Оранского, мужа дочери Якова, протестантки Марии. Вильгельм высадился в Англии с войском. Яков покинул страну, и возник вопрос, который коронационные регалии разрешить не могли: освобождало ли бегство место для нового прави-

теля, или король оставался законным государем?

В 1689 году собрание, созванное как Конвент-парламент, объявило, что Яков отрёкся от управления, и предложило корону Вильгельму и Марии совместно. Важным основанием стало не только происхождение Марии и присутствие армии Вильгельма. Значение имело и решение политических институтов. Позднее Билль о правах закрепил ограничения королевской власти: в частности, монарх не должен был приостанавливать действие законов или взимать налоги без согласия парламента. Это не превратило Англию в демократию в современном смысле, но изменило правила, по которым король мог действовать.

Переворот не создал единодушия. У Якова оставались сторонники; в Ирландии развернулась борьба за его возвращение. Революция показала не то, что право наследования ничего не значит, а то, что оно может столкнуться с религиозными убеждениями, интересами элит, военной силой и законодательным решением. Каждый лагерь мог считать свои основания законными. Спор о престоле был одновременно спором о том, кто вправе устанавливать сами правила.

Этот эпизод предостерегает от простого вывода, будто народ сначала безмолвно принимает власть, а затем живёт под ней. Королевская власть зависела от гораздо более широкой сети действий. Местные чиновники решали, как собирать подати; духовенство могло объяснять порядок как благословенный или опасный; землевладельцы и городские со-

общества поддерживали или отвергали распоряжения; солдаты могли подчиниться или перейти на сторону соперника. Подданные не обязательно участвовали в выборе монарха, но их повседневное сотрудничество, ожидания и сопротивление влияли на устойчивость режима.

Проверка символов на прочность

Обычай — не просто пыль на старом троне. Он помогает людям заранее понимать, чего ожидать: кто займёт престол, к кому обращаться с жалобой, какую роль играет церковь или совет. Такая предсказуемость полезна обществу и самой власти. Однако привычка повиновения не бесконечна. Если монарх разрушает порядок, который обещал защищать, если неспособен обеспечить безопасность или действует наперекор значимым для подданных представлениям о справедливости, его символы могут утратить убедительность. Та же корона, которая вчера обозначала единство, завтра может напоминать о притязаниях без согласия.

Полезное практическое упражнение — разобрать любую коронацию или церемонию восшествия на престол, не принимая её значение на веру. Разделите наблюдения на три группы: что увидела бы публика; какие учреждения и правила участвуют в действии; какое право на власть заявляет правитель. Затем задайте ещё три вопроса: кто не представлен в церемонии, кто способен отказаться от признания и какие повседневные действия превращают торжественное заявление в реальную власть? Так становится заметно, что симво-

лы не заменяют ни закона, ни армии, ни согласия, но могут связывать их в понятный образ.

Нет единственной формулы легитимной монархии. Где-то важнее священная роль государя, где-то — наследование, где-то — избрание правителя влиятельными группами или ограничения, закреплённые законом. Даже похожие церемонии могут выражать разные отношения между монархом, религией, элитами и обществом. Поэтому корона — не волшебный предмет и не доказательство права повелевать. Это обещание порядка, которому требуется признание, — и которое приходится подтверждать снова и снова.

Королевства и империи мира: разные модели монархии

На карте школьного атласа Англия, империя инков, Османская держава и Ашанти могут выглядеть как четыре пятна одного цвета. Но цвет — ещё не власть. Он не показывает, кто собирал зерно, кому подчинялся местный судья, сколько дней шёл приказ от столицы до границы и чтоставляло человека исполнять его — страх, обычай, выгода или вера в общий порядок.

Представьте две дороги. По горной тропе в Андах гонец передаёт весть следующему бегуну: так приказ правителя Куско движется через перевалы и долины. В другом столетии английский чиновник получает королевский документ и везёт его в графство, где шериф должен обеспечить исполнение. И там и там есть верховный правитель, но сходство на этом заканчивается. В одном случае власть собирает людей на обязательные работы и поддерживает сеть дорог и складов; в другом — опирается на суды, местных чиновников и королевские распоряжения.

Монархия — не готовый механизм с одинаковыми деталями, а набор решений о том, как связать центр и местные сообщества. Иногда власть стремится управлять напрямую. Иногда правитель действует через князей, старейшин или

наместников, которые сохраняют собственные права и ресурсы. А порой корона означает прежде всего верховное положение в сложной системе договоров.

Слово «империя» тоже не означает просто «очень большое государство». Полезнее видеть в нём способ правления: центр заявляет верховную власть над разнородными территориями и народами, но не обязательно управляет ими одинаково. Одни провинции могут подчиняться чиновникам, другие — сохранять местных правителей, третьи — признавать власть императора лишь в вопросах дани или военной помощи. В этом смысле империя — не ровная поверхность, а многоэтажное здание, где жители разных этажей не всегда встречаются с властью одними и теми же дверями.

Английское королевство: власть приказа и суда

В Англии XII века, особенно при Генрихе II (1154–1189), король стремился сделать правосудие заметнее и доступнее за пределами своего двора. Королевские судьи объезжали графства, а шерифы исполняли распоряжения и отвечали за сбор части доходов. Королевский приказ — документ, требовавший от чиновника или суда определённого действия, — помогал проводить волю центра через уже существовавшие местные структуры.

Это не была современная бюрократия. Путь из одной части королевства в другую занимал дни, а порой и недели; король не мог лично следить за каждым спором о земле или каждым сбором. На местах большую роль играли земле-

владельцы, церковные учреждения и общины. Королевская власть укреплялась не тем, что уничтожала все местные порядки, а тем, что всё чаще претендовала на право вмешиваться в ключевые дела — прежде всего в правосудие и налогообложение.

Для крестьянина или мелкого землевладельца устройство власти могло выглядеть вполне буднично. Сначала возникал спор с соседом или господином, затем в него включались местные авторитеты, а в некоторых случаях дело доходило до суда, действовавшего от имени короля. Королевское правосудие становилось одновременно инструментом управления и доказательством того, что монарх способен поддерживать порядок.

Но его возможности зависели от местных посредников. Шериф был не безличным винтиком, а человеком с интересами и связями; барон мог помогать королю, но мог и сопротивляться его вмешательству. Королевству приходилось постоянно превращать формальное верховенство в исполнение на местах.

При этом Англия была компактной лишь в сравнении с огромными империями. Её территориальное ядро было связано удобнее, чем обширные земли, разделённые горами и пустынями, однако власть за его пределами оставалась неодинаковой: отношения с Уэльсом и Ирландией менялись, а контроль над приграничными землями не был равен управлению центральными графствами. Даже относи-

тельно небольшое королевство не следует представлять аккуратно закрашенной областью, целиком подчинённой столице.

Анды: империя дорог, труда и обмена

Империя инков, или Тауантинсуйу, расширилась в XV — начале XVI века вокруг Куско, включив территории вдоль Андского хребта и прилегающих областей. Само название обычно переводят как «четыре соединённые части»: владения делились на четыре крупных региона, сходящихся у столицы. Однако карта не должна вводить в заблуждение: окраины подчинялись центру с разной степенью прочности, а завоевание не означало мгновенного и полного контроля.

В Андах расстояние измерялось не только в лигах, но и в высоте перевалов, крутизне склонов и смене климатических зон. Ответом инков стала сеть дорог, перевалочных пунктов и складов. По дорогам двигались чиновники и войска, а гонцы-часки передавали сообщения эстафетой. Узелковые записи кипу применялись для учёта и административных нужд, хотя их устройство и способы прочтения нельзя свести к простой замене алфавитного письма.

Империя не опиралась на универсальный денежный налог в привычном для нас смысле. Важнейшей повинностью была мита — обязательная работа, которую общины предоставляли государству. Людей могли направлять на строительство дорог, земледельческие работы или службу. Собранные ресурсы распределялись через государственные хранилища и

систему обязанностей, а не только через обмен денег на рынке.

Инки не везде заменяли местную власть своими чиновниками. Кураса — местные правители и посредники — могли сохранять влияние, если признавали верховенство Сапа Инки и помогали собирать людей и ресурсы. Это делало управление экономнее: центру не приходилось заново создавать все связи в каждой долине. Но такая экономия имела цену. Кураса могли скрывать недовольство общин, манипулировать требованиями или использовать собственное положение против центра.

Лояльность поддерживалась несколькими способами сразу. Значили военная сила и переселение отдельных групп населения; значение имели ритуал, почитание предков и связь власти с культом Солнца. Не менее важными были практические результаты: дороги, запасы продовольствия, защита, распределение ресурсов. Имперский центр не только требовал труд, но и обещал порядок и помощь в кризис. Когда обещания и повинности переставали казаться справедливыми, сама сеть посредников могла стать каналом сопротивления.

Османская держава: центр, служба и разные провинции

В XVI веке, при Сулеймане Великолепном, Османская империя охватывала территории на Балканах, в Анатолии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Её масштаб невозможно было удержать одним типом управления. Сто-

личный двор и центральные учреждения задавали общий порядок, но провинции различались по истории, населению и способу включения в державу.

Приказы шли из центра через наместников и других чиновников. Однако в провинции власть не принадлежала одному человеку безраздельно: рядом действовали судьи, военные служилые люди, сборщики доходов и местные влиятельные семьи. В ряде областей распространённой формой вознаграждения служила передача военному служилому права получать определённые доходы с территории в обмен на службу. Это не было простым владением землёй по европейской феодальной модели: права и обязанности зависели от времени, места и статуса.

Важным связующим механизмом была служба султану. Некоторые военные и административные кадры получали образование и делали карьеру в структурах, зависевших от двора; девширме — набор мальчиков из части христианского населения для службы государству — было одним из таких инструментов, хотя применялось не повсеместно и менялось со временем. Наряду с ними сохраняли влияние местные элиты. Центр стремился не столько устранить посредников, сколько удержать их в системе назначения, вознаграждений и надзора.

Подданные империи принадлежали к разным религиозным общинам, и повседневные правовые отношения могли учитывать эту принадлежность. Но это не означало единой,

одинаково устроенной автономии для всех групп: правила различались, пересекались с имперским законодательством и зависели от конкретной ситуации. Османский порядок был не набором изолированных общин, а системой пересекающихся полномочий.

Лояльность поддерживали династический авторитет султана, религиозная легитимность, карьера на службе, защита и предсказуемый сбор налогов. Но управление оставалось переговорным. Если чиновник требовал слишком много, если провинциальная знать теряла влияние или центр ослабевал, прежние договорённости могли пересматриваться. Сильная столица не отменяла зависимость от тех, кто собирал налоги и приводил в действие местные силы.

Ашанти: власть, объединённая символом

В XVIII — начале XIX века государство Ашанти в Западной Африке расширялось вокруг Кумаси, связывая территории и народы через военную силу, дань, торговлю и политические союзы. Его устройство нельзя назвать ни простым централизованным королевством, ни союзом совершенно равноправных правителей. Власть асантехене, правителя Ашанти, опиралась на центральные институты, но зависела и от вождей отдельных областей.

Особое место занимал Золотой Трон — священный символ единства Ашанти. Согласно политическому преданию, он воплощал общность народа и не принадлежал одному правителю как личная вещь. Это была не просто красивая

легенда при дворе: символ помогал утверждать, что политическое объединение больше, чем воля конкретного царя. Правитель был важен, но его власть существовала внутри порядка, который он не мог полностью присвоить.

В решениях участвовали влиятельные вожди и советники. Важную роль играла и асантехемаа, царица-мать, связанная с материнскими линиями родства и политическими процедурами. Поэтому положение правителя зависело не только от наследования и военной силы, но и от признания со стороны тех, кто представлял ключевые группы. Это не делало Ашанти «парламентской монархией» в современном смысле; точнее говорить о распределённой власти, закреплённой обычаями и отношениями между центром и местными руководителями.

Войско собиралось через политические подразделения и местных вождей. Ресурсы поступали благодаря дани, торговле и обязанностям зависимых территорий; расширение государства было связано, среди прочего, с участием в атлантической работорговле, приносившей доход и сопровождавшейся насилием и порабощением людей. Лояльность могла укрепляться общей политической идентичностью, престижем Кумаси и выгодами торговли, но она не была ни одинаковой, ни безусловной. Там, где дань и повинности воспринимались как чрезмерные, подчинённые территории могли сопротивляться или искать возможность отделиться.

Сравнительная матрица

**Модель
Центр
Окраины
Элиты
Армия
Налоги и ресурсы
Основание лояльности**

Английское королевство XII века

Король, королевские суды и приказы

Графства с неодинаковой степенью контроля

Шерифы, бароны, церковные землевладельцы

Служба королю и местные военные обязанности

Королевские доходы, повинности и сборы через чиновни-

ков

Династия, правосудие, поддержание порядка

Империя инков

Куско, правитель и государственные учреждения

Регионы, связанные дорогами; контроль на окраинах различался

Кураса и местные общины

Мобилизация людей через государственную систему

Мита, трудовые повинности, запасы и перераспределение

Ритуал, защита, порядок и распределение ресурсов

Османская империя XVI века

Двор султана и центральные учреждения

Провинции с разными порядками управления

Наместники, служилые люди, судьи, местные семьи

Центральные и провинциальные силы, военная служба

Налоги и доходы, собираемые через разные местные ме-

ханизмы

Династия, религия, служба, безопасность

Государство Ашанти

Кумаси и правитель, опиравшийся на центральные инсти-

туты

Подчинённые и союзные территории с разной степенью

зависимости

Вожди областей, советники, царица-мать

Мобилизация через политические подразделения и во-

ждей

Дань, торговля, повинности

Общая идентичность, символы, договорённости и выгоды

союза

Матрица показывает главное: одинаковые слова скрывают разные ежедневные действия. «Сбор налога» мог означать передачу денег чиновнику, работу на государственном проекте или подвоз ресурсов через местного вождя. «При-

каз короля» мог быть обязательным документом для шерифа, требованием к кураса собрать людей или распоряжением наместнику, которое тот должен был согласовать с провинциальными силами.

Имперский масштаб: ресурс и уязвимость

Большая территория даёт монарху доступ к большому количеству людей, сырья, торговых путей и военных сил. Она может связывать регионы, разделённые природными преградами, поддерживать склады и дороги, распределять ресурсы между центром и окраинами. В этом — сила имперского масштаба.

Но каждый дополнительный регион удлиняет цепочку между решением и его исполнением. Чем дальше окраина, тем больше времени требуется приказу, тем больше власти получает местный посредник и тем труднее центру понять, что происходит на самом деле. Империя может получать доход от провинции, но зависеть от тех, кто этот доход учитывает и доставляет. Она может держать войско на границе, но быть уязвимой к конфликту о престолонаследии в столице.

Есть и другая трудность: разнообразие. Требование единообразия способно укрепить управляемость, но слишком резкое устранение местных прав и обычаев создаёт сопротивление. Сохранение разных порядков, напротив, позволяет править гибче, но усложняет надзор и вызывает споры о том, кто кому подчинён. Ни один путь не гарантирует стабильности. Центр постоянно выбирает, где настаивать на

единых правилах, а где соглашаться на исключения.

Поэтому империя сильна не тогда, когда всё подчиняется одному приказу, а когда множество разных участников снова и снова находят причины оставаться внутри общей системы. Иногда такой причиной становится безопасность, иногда — прибыльная служба, иногда — уважение к обычаю, иногда — убедительный символ. И почти всегда рядом с согласием присутствует принуждение: одно не отменяет другого.

Как самому «прочитать» монархию

Чтобы понять устройство любого королевства или империи, полезно не начинать с титула правителя. Начните с маршрута власти:

1. Проследите приказ. Кто передаёт его из столицы и кто на месте обязан действовать?

2. Найдите посредника. Это чиновник, землевладелец, местный вождь, военный начальник или совет?

3. Выясните, что собирает центр. Деньги, зерно, труд, военную службу, сведения — или всё сразу?

4. Проверьте, кто командует войском. Может ли правитель обойти местных элит или вынужден просить их о помощи?

5. Назовите причину лояльности. Что люди и правители окраин получают в обмен на подчинение? Что произойдёт, если они откажутся?

6. Сравните титул с практикой. Соответствует ли слово «император» реальному контролю над территориями, или

власть держится на договорах и дани? И наоборот: скрывает ли скромный титул правителя значительные полномочия?

Можно применить эти вопросы к любому историческому государству и заполнить шесть строк таблицы: центр, окраины, элиты, армия, ресурсы, лояльность. Такая работа быстро показывает, почему площадь государства сама по себе мало говорит о его силе. Важнее понять, насколько надёжно соединены его части и сколько посредников нужно, чтобы приказ превратился в действие.

В начале перед нами была цветная карта. Теперь за её пятнами видны дороги, суды, склады, военные обязанности, местные советы и договорённости. Монархия оказывается не единой формой правления, а множеством способов распределить власть и связать людей с центром. Титул сообщает, на что претендует государь; реальное устройство владений обнаруживается в том, кто собирает ресурсы, передаёт решения и разрешает конфликты. А там, где власть распределена между такими людьми и институтами, неизбежно возникает следующий вопрос: кто получает доступ к правителю и влияет на его решения?

Двор как центр власти: советники, фавориты и придворные правила

Представим просителя, который ждёт в передней королевской резиденции. Он держит сложенное прошение и знает главное: содержание бумаги может быть безупречным, но этого недостаточно. Кто-то должен принять её, понять, к какому ведомству она относится, пересказать её суть — и решить, стоит ли вообще передавать её дальше. За дверью находится король. Между ним и просителем — не просто коридор, а целая система людей, должностей и правил.

Эта сцена — реконструкция, а не рассказ о конкретном человеке, чья аудиенция зафиксирована в документах. Мы не знаем, где именно он ждёт и кто первым возьмёт у него бумагу. Но сама зависимость от посредников была реальной. Двор превращал близость к монарху в политический ресурс: одни могли доложить лично, другие — только надеяться, что их слова не потеряются среди десятков записок и чужих интересов.

Чтобы увидеть, как этот механизм работал, обратимся ко двору Людовика XIV и к борьбе вокруг управления финансами Франции в 1661 году.

Решение, принятое не в одиночестве

Кардинал Мазарини, фактически руководивший фран-

цузской политикой при юном Людовике XIV, умер 9 марта 1661 года. Вопреки ожиданиям многих придворных, король не назначил нового главного министра. Он объявил, что намерен управлять сам. Это не означало, что отныне Людовик лично разбирал каждую жалобу или подсчитывал каждую монету. Напротив: он продолжал опираться на советы и чиновников. Но теперь он стремился быть верхней точкой принятия решений, а не делить её с человеком, способным говорить от имени короны.

Среди тех, чьё положение оказалось под угрозой, был Николя Фуке — суперинтендант финансов, влиятельный сановник с широкой сетью связей. Он контролировал значительные денежные потоки и располагал собственной группой сторонников. Его богатство, покровительство художникам и писателям, великолепная резиденция Во-ле-Виконт — всё это говорило о том, что он не просто исполняет поручения, но и обладает самостоятельным весом.

У Фуке был сильный противник — Жан-Батист Кольбер, служивший прежде Мазарини и всё чаще докладывавший королю о состоянии финансов. Кольбер не был сказочным «серым кардиналом», который одним шёпотом направляет монарха. Он умел работать с бумагами, цифрами и чиновничьими процедурами. Но именно его близость к королю позволяла финансовым сведениям становиться политическими доводами. Кто лучше объяснит королю, насколько надёжна казна: человек, отвечающий за её устройство, или человек,

который приносит ему записки о её недостатках?

17 августа 1661 года Фуке устроил для Людовика праздник в Во-ле-Виконте. Через несколько недель, 5 сентября, его арестовали в Нанте по приказу короля; приказ исполнил капитан королевских мушкетёров д'Артаньян. Праздник часто изображают причиной ареста — будто короля возмутило великолепие чужого дворца. Такая версия эффектна, но упрощает историю. Конфликт вокруг финансов, влияния и доверия назревал раньше. Пышное торжество стало частью политической памяти об этом конфликте, но не объясняет его целиком.

Суд над Фуке продолжался несколько лет. Его приговорили к изгнанию, однако Людовик заменил наказание пожизненным заключением. Сам факт этой замены показателен: король не только использовал государственный аппарат, чтобы устранить соперника, но и оставил за собой право менять результат его работы.

В 1665 году Кольбер получил должность генерального контролёра финансов. Между смертью Мазарини и этим назначением лежали новые советы, перестройка финансового управления и борьба придворных групп. Поэтому неправильно представлять возвышение Кольбера как мгновенный обмен двух людей у одной двери. Но перемена была существенной: монарх последовательно отодвинул фигуру, способную стать самостоятельным центром влияния, и приблизил человека, которому доверял вести дела через королев-

скую систему.

Двор — не комната, а сеть

В современном воображении двор часто выглядит как зал, где король сидит на возвышении, а придворные шепчутся у колонн. В действительности двор был одновременно домом монарха, кругом политических советников, местом распределения должностей и узлом связи между центром и территориями.

В нём сосуществовали разные иерархии. Должностные лица королевского дома отвечали за церемонии, порядок, безопасность и повседневную жизнь правителя. Государственные секретари ведали отдельными областями управления. Советники и члены королевских советов обсуждали вопросы войны, финансов и внутренней политики. Посредники — секретари, служащие, придворные с доступом к королю — помогали информации пройти от одного круга к другому. Это были не взаимозаменяемые роли: высокий придворный ранг не всегда означал влияние на конкретное решение, а скромная должность при правильном доступе могла оказаться крайне важной.

Не следует переносить в 1661 год весь позднейший распорядок Версаля. Людовик XIV перенёс туда двор и правительство только в 1682 году; именно позднее версальский церемониал стал особенно тщательно организованным зрелищем. Но правила ранга, представления монарху, очередности и допустимого поведения существовали и прежде. Цере-

мониал был не только пышностью. Он делал отношения видимыми: кто приветствует короля первым, кто имеет право войти, кто стоит ближе и кому поручено передать слово.

Церемония могла ограничивать произвол. Если порядок приёма и должности известны, люди хотя бы отчасти понимают, как действовать. Но те же правила создавали фильтры. Важное письмо могло лежать на столе, пока служащие решали, куда его отнести. Устная просьба могла быть пересказана в нескольких версиях. Тот, кто контролировал вход к монарху, влиял не только на очередь, но и на то, какую картину событий увидит правитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.